

Пролог

— Нойон! Наши передовые разъезды докладывают: впереди показалась крепость орусутов. А перед ней строится большая рать врага!

Давно уже переступивший порог зрелости Субэдэй-багатур лишь скупно улыбнулся. Цель стремительного броска трех его туменов по льду широкой, полноводной летом Оки наконец-то замаячила впереди! И сподвижник, и военачальник великого Чингис-хана задышал часто и радостно: скоро битва! Победитель китайцев, меркитов, гулямов Хорезма, кипчаков, грузин, аланов и болгаров, переигравший и разгромивший орусутов на Калке, — именно он предложил покорять земли нойонов Арпана и Улайтимура зимой, когда скованные льдом реки превращаются в торные дороги...

Но каким же тяжелым оказался их путь по замерзшей Проне! Бесконечные засады и внезапно летящие стрелы из-за стены деревьев, подступающих к самой реке, преградившие путь туменам рогатки и стальной «чеснок», ранящий лошадей. А также специально растопленные

попыньи, прихваченные лишь тонким льдом и присыпанные для незаметности снегом... Орусуты оказались очень хитры и крайне умелы в зимней войне, беспокоя нукеров Бату-хана частыми и болезненными ударами! А простой люд они спрятали в заснеженных непроходимых чащах и любые подступы к лесным убежищам перекрыли непроходимыми засеками... И лишь спустившись по реке от Пронска, монголы сумели избавиться от совсем небольшого — как оказалось — отряда, тормозящего их продвижение.

В туменах хватало кипчаков и мордуканов, бывавших ранее в этих краях и ведавших про то, что река за городом сильно петляет на протяжении примерно шести-семи верст. И Субэдэй, страстно желая избавиться наконец от врага, мешающего продвижению орды, собрал двухтысячный отряд из лучших нукеров царя Пуреша, поставив над ним собственного сына Кукуджу. Нойон понимал, что враг устроит засаду уже за речной петлей, и отправил мордуканов срезать ее, зайти орусутам в тыл. Люди Пуреша привычнее всех покоренных к зиме и лесу, и в этот раз они доказали это делом, сумев пройти несколько верст по заснеженным чащам! Орда же, наоборот, шла медленнее, чтобы враг не решился оставить засады...

Кукуджу атаковал орусутов, когда последние уже напали из засады на передовой отряд кипчаков. И сын нойона отлично себя показал,

заранее отрезав врагу путь к отступлению в лес, раскинувшийся по высокому берегу реки, послал в него пять сотен нукеров. Остальные же ударили по засаде с тыла, втрое превосходя орусутов числом! И хоть те сражались с бешеной яростью, но, атакованные с трех сторон (на помощь мордуканам пришли и кипчаки), были истреблены поголовно... Забрав с собой восемь сотен покоренных!

Но для огромной орды эти потери были ничтожны, и Бату-хан очень высоко оценил столь важную для скорого продвижения орды победу! И Кукуджу хоть до поры и остался кюганом, но вместо кипчаков получил под свое начало тысячу лучших батыров-тургаудов! Да не где-нибудь, а в тумене своего отца...

Сразу после сражения Субэдэй лично поспешил вперед всего с одним туменом соплеменников-урянхаев, в душе страшась, что, пройдя очередные десять верст, они вновь упрутся во вмороженные в лед рогатки, а из-за близко стоящих к реке деревьев вновь полетят разящие срезни... Но нет, ничего подобного не случилось ни через десять верст, ни через двадцать, ни через сорок... А после монголам стали попадаться отставшие группы беженцев, спешащих, но не успевших в Арпан — или Рязань, как называют этот город орусуты...

Как оказалось, не все жители попрятались в лесах по берегам Прони, кто-то не успел под-

готовить по осени зимовок, понадеявшись на силу княжьей рати, до кого-то просто не добрались гонцы княжича Михаила Всеволодовича. Кому-то не хватило телег или лошадей для быстрого бегства, а кто-то просто не мог идти на лыжах... Так нукерам достались первые белые рабыни, первый хашар, первые захваченные запасы зерна и мяса, а также скот. И боевой дух урянхаев тут же поднялся, они еще быстрее устремились к Арпану, гоня перед собой новых беженцев, коих становилось все больше с каждым днем!

Все же наибольшая часть орусутов успела отступить в Рязань, где из-за спасающегося от агарян простого люда в одном доме проживало по пять семей, ложась спать прямо на холодный пол. Ушли в стольный град княжества жители и рядом расположенного Белгорода, стоящего всего в дне пути от Арпана, на берегу реки Беллой. И глаза нукеров Субэдэя горели жадным огнем, когда они подступили к окруженной одним лишь валом и одной лишь стеной крепости, так их манила богатая добыча!

Однако, когда спустя пару дней к Рязани вышли основные силы монголов, Бату-хан приказал Субэдэю идти дальше, теперь уже вверх по льду широкой реки Оки. Ибо захваченного нукерами нойона зерна и скота было совершенно недостаточно, чтобы прокормить всю орду, а севернее Арпана, по слухам, осталось еще много

поселений, чьи жители не успели бежать! Ларкашкаки выделил верному сподвижнику своего отца три тумена — кипчакский, тюркский и монгольский, — и Субэдэй спешно повел на север мощное, едва ли не тридцатитысячное войско! Еще около сорока тысяч нукеров вместе со всем осадным обозом остались у Бату-хана, приступившего к осаде стольного града княжества...

Нойон, людям которого дали запасов лишь на несколько дней, сильно спешил, гоня впереди себя кипчаков на легконогих степных лошадях, и это позволило им перехватить многих беженцев, кто по незнанию своему все еще спешил в Рязань... А после и тех, кто отчаянно бежал назад, теперь уже к Переяславлю-Рязанскому... Добычи было много, никакого сопротивления Субэдэй на своем пути не встречал, и вскоре нойон отправил Бату-хану огромный обоз с захваченным зерном и множеством скота, выделив под охрану его две тысячи нукеров.

А сегодня они наконец достигли и Переяславля! И впервые за время похода против монголов решилась выйти рать оруситов. Впереди нойона ждет настоящая битва! И при одной лишь мысли о ней у славного багатура кровь закипела в жилах, а руки налились былой силой — Субэдэй жаждал славной сечи, жаждал увидеть, как батыры его сокрушат врага!

Но азарт предвкушения будущей схватки не затмил разум темника. Нужно было стара-

тельно разведать о силах орусутов, узнать, где они развернули свои боевые порядки, построить собственные тумены так, чтобы сокрушить противника! В том числе и с помощью засадного удара монгольских тургаудов и бронированных хасс-гулямов Хорезма... Совмещая наскоки легких всадников-лучников и последующее ложное отступление под удар тяжелой конницы, Субэдэй побеждал русских князей на Калке, грузинского царя Георгия в Котманской долине, так он громил ранее хорезмийцев и китайцев... И сегодня, если рать орусутов действительно столь велика, что сравнима числом с тремя его туменами, он постарается вновь использовать свой излюбленный прием!

* * *

Воевода Еремей напряженно следит за тем, как расплзается по заснеженному полю огромная рать поганых, поднявшаяся по Оке от Рязани. Тревожно, муторно стало на его душе, в очередной раз задался воевода вопросом: неужели пала вся дружина Юрия Ингваревича? Неужели захвачен стольный град княжества, обороняемый едва ли не всей его ратью?!

Юрий Всеволодович, великий князь могучего Владимира и первый среди русских князей, давно готовился к приходу орды степняков. Бо-

лее десяти лет приходили с востока тревожные вести, более десяти лет волжские болгары сдерживали натиск монголов на своей восточной границе. И понимая, что земля давнего соседа, нередко становившегося врагом, стала для русичей настоящим щитом, Юрий Всеволодович не беспокоил болгар военными походами, а наоборот, оказывал им всемерную поддержку. Одновременно с тем обновлялись и владимирские крепости, ковалось новое оружие, росла княжеская дружина... И когда пришла весть, что подступили поганые к порубежью соседнего, Рязанского княжества, когда прибыли во Владимир послы Юрия Ингваревича с просьбой о помощи, князь не медлил ни минуты, приказав срочно собирать рать! Да и сам отправил гонцов о помощи уже в Киев, к брату Ярославу Всеволодовичу, а еще в Новгород, где до поры за отца правил молодой княжич Александр, племянник Юрия. Послов же татарских, что прибыли чуть позже рязанских, великий князь принял со всем возможным радушием и долго увещевал, назвавшись союзником хана Батые, но... Это были лишь слова, имеющие цель или отсрочить, или вовсе предотвратить войну. Однако сам Юрий Всеволодович не верил, что «покорители вселенной», завоевавшие весь восток и Дешт-и-Кипчак, согласятся лишь на союз. И как только была собрана достаточная рать, он отправил ее от Владимира к Рязани во главе

с воеводой Еремеем Глебовичем и старшим сыном Всеволодом Юрьевичем. И воевода изо всех сил спешил на помощь... Да, видно, не успел.

О том, что с юга по Оке следует огромная рать поганых, Еремей, коему великий князь доверил общее командование (а еще и жизнь старшего сына, названного в честь деда), узнал от беженцев. И, поразмыслив, старый, опытный военачальник, успевший повоевать на своем веку и с булгарами, и с мокшей, и с орденом меченосцев да литвой под началом Ярослава Всеволодовича, решил принять бой у стен Переяславля.

Оставив не самую слабую крепость в тылу, воевода построил многотысячную рать в междуречье Трубежа и Лыбедея, преградив путь врагу двойной линией надолбов, вмороженных в утоптаный снег. Подъем со стороны обеих рек ратники старательно залили водой, превратив их берега в ледовые горки, на которые конному невозможно подняться. Пеший же осилит подъем, лишь старательно вгрызаясь в лед ножом или кинжалом, и то лишь недюжинный силач со стальными пальцами!

На случай возможного обхода и отчаянной попытки преодолеть ледовый подъем в тылу пешцев воевода оставил тысячу конных лучников — потомков берендеев, переселенных во владимирские земли еще при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском. Тех, кто еще не растворился среди русичей и сохранил традиции

конного степного боя... Берендеи успеют подлететь бодрым галопом к месту прорыва, обрушат град стрел на тех, кто с трудом карабкается по льду, отбив поганым всякое желание обойти владимирскую рать! Нет уж, бить ворогу только в лоб — сквозь линию надолбов...

За вмороженными в землю, склоненными ко врагу заостренными кольями встали многочисленные пешцы. В центре — спешенные княжеские гриди и городское ополчение Владимира да Москвы; московские белые сотни известны как лучшие в княжестве топорщики, многие из них облачены в кольчуги и шеломы. По левую руку встала тысяча новгородской панцирной пехоты в чешуйчатой броне, с тяжелыми рогатинами и ростовыми щитами. Среди них также полторы сотни воев с самострелами, что легко пробирают рыцарскую кольчугу — все, кого успел собрать и отправить на помощь верный и честный княжич Александр Ярославич. По правую же руку — ополчение весей, вооруженное попроще и победнее. Никакой брони и мечей, только топоры и дубины да обожженные на концах колья вместо копий, но хоть щиты есть у всех.

И, наконец, позади пешцев — две тысячи панцирных гридей во главе с самим воеводой! На могучих, рослых жеребцах встали под началом Еремея лучшие воины владимирской и суздальской дружин! А всего двенадцать тысяч воев без учета немногочисленного опол-

чения Переяславля — оно целиком укрылось в граде по наказу воеводы: будет кому детинец оборонять, коли враг действительно столь силен и все же возьмет верх в сече...

А поганые действительно сильны, ничего не скажешь! Поднимаются с реки многие тысячи легких конных лучников, строятся верховые в единую линию, в которой хорошо прослеживается строй. И от опытного взгляда воеводы не укроется, что разбита вражья рать на полки, что есть у нее и центр, и правое, и левое крылья, по приказу монгольского военачальника способные действовать самостоятельно... Опасны татары, вдвое превосходя русичей числом, и стынут сердца воев при виде столь могучей рати агарян!

Наконец поганые окончательно построились, и безмолвно замерли друг напротив друга смертельные враги. Лишь ледяной ветер полощет стяги с вытканными на них ликами Господа, Богородицы да золотым владимирским львом, нещадно треплет мохнатые бунчуки татар... Но вот забили барабаны нехристей, завизжали, закричали дико поганые, и по велению темника Субэдэя ринулись в атаку многие тысячи всадников!

— Хур-р-р-ра-а-а!!!

Глава 1

— Стоим! Стоим!!!

Разносится над рядами русичей рев сотенных голов, упреждающий невольно дрогнувших ратников! Неудержимо летит на воев конная тьма, дрожит под многими тысячами копыт земля, и кажется, что одним ударом стопчут всадники пещцев! Но опытные гриди да ополченцы понимают: степняки не бросятся в лоб на оцетинившуюся рогатинами и кольями рать, не погонят лошадей на склоненные навстречу им заостренные надолбы... А как приблизились кипчаки, да тюрки, да монголы к мужам владимирским на сотню шагов, так разнесся над полем новый крик сотников и тысяцких:

— Щиты!!!

Зашевелилась боевая линия русичей, поднимая над головами круглые да ростовые каплевидные щиты, смыкая их краями да сжимая строй, а поганые, подобравшись на полсотни шагов, принялись заворачивать лошадей, бить из тугих составных луков в сторону противни-